

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология в
перспективе будущего

Цель: обозначить перспективы развития исторической антропологии как самостоятельного научного направления

«КУДА ИДЕТ ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ?» - такой заголовок для заключительной главы выбрал автор учебника Михаил Кром. Это несколько перефразированное название опубликованной в 2001 году статьи Ханса Медика: «Quo vadis Historische Anthropologie?», которая в переводе с немецкого звучит так: «Куда идешь, историческая антропология?».

Ханс Медик, поставив столь важный вопрос, к сожалению сам не дал на него четкого ответа. По мнению Крома, наиболее значимым и актуальным является постановка проблемы о векторе или траектории развития этого историографического направления.

Поскольку историческая антропология, как она была представлена в рамках этого курса, это прежде всего, процесс «антропологизации» истории, очень важен сам процесс поиска новых исследовательских подходов, форм описания исторических событий. Показателен диалог историков с этнологами, антропологами, социологами и представителями других социально-гуманитарных наук.

М. Кром в своей работе, систематизировав все существующие виды антропологически ориентированной истории в диахроническом виде, разделил на два последовательных этапа.

Первый этап - это ранняя историческая антропология. Согласно терминологии некоторых германских историков, «историческая антропология I» включает в себя французскую историю ментальностей и демографическую историю с антропологическим «уклоном». К ним относятся работы Филиппа Арьеса, Жорж Дюби, Андре Бюргера, Жак Ле Гоффа, Эммануэль Ле Руа Ладюри и др. А также следует отнести монографию Кита Томаса «Религия и упадок магии» (1971), книгу Питера Бёрка о народной культуре Европы начала Нового времени (1978). Вместе с тем сюда же включены германские исследователи «философского» направления, изучавшие историческую изменчивость «антропологических констант» человека.

По географическому параметру и в хронологическом отрезке этап представлен таким образом: во Франции и Великобритании это - 60-70-е годы, в Германии - конец 60-х - начало 80-х, а в России он продолжался до недавних пор и представлен работами Арона Гуревича и его последователей.

В этом контексте, утверждает автор учебника, важны не столько хронологические грани, сколько стадийные различия. К примеру, ранний период становления исторической антропологии пронизан идеями структурализма, внимание сконцентрировано на длительных процессах (*la longue duree*), устойчивых безличных структурах такие как аграрные, семейно-родственные, ментальные и т. п., которые держат человека в замкнутом круге. Именно для такой формы антропологически ориентированной истории присущи суждения о «человеке Средневековья», «французе XVI века», «древнерусском человеке» и т. п. По мнению ученого, в подобной истории «действуют» не конкретные индивиды, а сконструированные исследователями человеческие типы.

Второй этап «исторической антропологии II» констатируется со второй половины 70-х годов, этот период ознаменовался поворотом к микроистории и возросшим интересом к повседневным практикам и стратегиям поведения индивидов и групп. Как известно, пионерами в этой области были итальянские микроисторики, избравшие сам этот термин (*microstoria*) знаменем нового направления исследований. К этому этапу следует отнести формирование германской истории повседневности и новой культурной истории в англосаксонских странах. Второй этап представлен следующими персонами как Натали Земон Дэвис, Линн Хант, Роберт Дарнтон, Питер Бёрк и др.

По мнению М. Крома, наиболее последовательно смысл парадигмы выражают приверженцы микроистории в разных странах - это Карло Гинзбург, Джованни Леви, Ханс Медик, Симона Черутти, Дэвид У. Сэбиан и др.

В то же время некоторые сторонники американской новой культурной истории демонстрируют возврат к старой истории ментальностей, но только под новым названием, в качестве примера можно привести обсуждение книги Р. Дарнтон «Великое кошачье побоище».

Это говорит о том, что микроистория уже не удовлетворяется рассуждениями о человеке вообще. В равной степени как и объяснительными моделями, которые пытаются «втиснуть» этого человека в рамки политических, социальных, ментальных структур или глобальных процессов модернизации, цивилизации и т. п.

В новых условиях, указывает М. Кром, на первый план выходит стремление понять логику поведения конкретных людей в микрообществах, а пресловутые «структуры» и «системы» в свете микроанализа предстают незавершенными, открытыми, находящимися в процессе постоянного становления и изменения

под влиянием меняющихся интересов и действий людей.

В современном историографическом контексте в разных странах наблюдается сосуществование как «старых», так и «новых» форм антропологически ориентированной истории. Но с методологической точки зрения необходимо учитывать обозначенные ранее стадийные различия. Поскольку характеристика любого из направлений может оказаться значительной мере искаженной.

Все сказанное полностью соотносится с той критикой исторической антропологии, с которой выступал российский историк-медиевист Андрей Львович Юрганов. «Современные установки исторической антропологии, - подчеркивает он, — ориентированы не на живую личность в ее мифическом обстоянии, а на проекцию обезличенного массового сознания». И далее: «Подлинный» человек открывается вне осмысленного им опыта. Вот суть исторической антропологии, которая в современном виде изучает не человека, а его отсутствие».

Эта критика основана на высказываниях французских историков, представителей школы «Анналов», и работах А. Я. Гуревича. Главный посыл его критики историографического направления состоит том, что историки этой школы, сосредоточившись на изучении коллективного бессознательного, пренебрегли человеческой субъективностью, не брали во внимание факты сознания и, как результат, потеряли предмет изучения - самого человека как такового.

Однако М. Кром отмечает, что если не ограничиваться анализом только лишь теоретических суждений и программных заявлений «анналистов», как это делал А. Л. Юрганов, а обратиться к их конкретным исследованиям, то приведенная выше критика окажется в ряде случаев необоснованной. Например, «Монтаю» Эммануэля Ле Руа Ладюри содержит не просто галерею архетипов, а детально написанные портреты живых людей.

Но, с другой стороны, если иметь в виду теоретические установки истории ментальностей, то критика А. Л. Юганова во многом справедлива. Но только в отношении раннего варианта исторической антропологии, а не современного ее этапу. Станным образом, комментирует мысли своего коллеги М. Кром, из поля зрения историографа выпали такие более поздние виды антропологической истории, как микроистория и новая культурная история, которые формировались в полемике с французской историей ментальностей.

«Разве можно упрекнуть, например, К. Гинзбурга, Дж. Леви или Н. З. Дэвис в том, что их интересует некое «обезличенное массовое сознание?» - задается вопросом автор книги. - Как раз наоборот, они стремились проникнуть во внутренний мир своих героев, понять мотивы их поступков, обусловленных личным выбором, а не какими-то архетипами. Изучение жизненного опыта и переживаний людей - это, как было показано в этой книге, магистральное направление в творчестве сторонников микроистории, истории повседневности, новой культурной истории». А критика истории ментальностей, как нам известно, отнюдь не нова, и приоритет здесь принадлежит таким ученым, как К. Гинзбург, П. Бёрк, Ален Буро и др.

М. Кром анализируя критические высказывания А. Л. Юганова, подмечает, что его критика исторической антропологии грешит не только редуционизмом, то есть в том смысле, что все многообразие форм антропологически ориентированной истории сведено к одному, самому раннему и давно уже оспоренному варианту, но и игнорированием эволюции критикуемого им направления. В этой связи, становится понятным, что, предельно упростив обсуждаемое историографическое явление, автор спешит объявить об его «кончине».

Юрганов так и пишет: «...историческая антропология, осуществив свое дело, практически перестала быть собою». «В чем же заключалось это «дело»?» - возражает М. Кром. «Оказывается, в том, что «постепенно антропологизм т.е. признание, что в центре исторического процесса находится человек, стал аксиоматической основой любого исследования в науке».

На взгляд автора нашего учебника, приведенное высказывание служит ярким подтверждением того факта, что восприятие исторической антропологии в России остается еще на уровне ее ранних форм, для которых характерны рассуждения в духе абстрактного антропологизма, признания центральной роли человека в истории и т. п.

«Думается, что хоронить историческую антропологию еще рано», - резюмирует Кром. Тому подтверждение - постоянно обновленный топ новых книг классиков или мэтров этого направления. Наряду с уже помянутой монографией Н. З. Дэвис о даре во Франции XVI века (2000), можно назвать ее новую вышедшую книгу об арабском географе и путешественнике Льве Африканском (Хасане ал-Вазане). В этом ряду книга Жан-Клода Шмитта «Очерки средневековой антропологии» (2001), «История тела в

средние века» Ж. Ле Гоффа и Николя Трюонга (2003). А также, безусловно, продолжающие выходить журналы: «Одиссей» в России, «Historische Anthropologie» и «Paragrana» - в Германии. Курсы лекций и семинаров по исторической антропологии читаются в разных университетах мира.

Явные признаки институционализации исторической антропологии говорят нам о том, что ее не совсем правильно называть новым направлением. Здесь стоит напомнить, что выдающиеся ученые, с именами которых связаны наибольшие успехи антропологической истории, принадлежат к поколению людей, родившихся между двумя мировыми войнами. И их начинания продолжают ученики, уже добившиеся известности - Жак-Клод Шмитт, Ален Буро, Симона Черутти, М. Грибауди и др.

Вновь обращаясь к поставленному вначале вопросу о том, куда сейчас идет историческая антропология, стоит сказать, что в настоящее время вектор ее развития направлен в сторону культурологической истории.

В 1989 году в США в сборнике статей «New Cultural History» (издаваемого под ред. Линн Ханта) ориентирами для такой истории объявлялись подходы антропологов (в особенности К. Гирца) - с одной стороны, а с другой - литературоведов. Основной фокус внимания сосредоточен на изучении культурных практик и репрезентаций.

Во Франции это направление поддержал Роже Шартье, предложивший, в частности, изучать историю чтения как одну из культурных практик.

В Великобритании П. Бёрк, в 80-е годы выступавший «под флагом» исторической антропологии, озаглавил сборник своих статей, изданный в 1997 году, «Вариации [на тему] культурной истории» («Varieties of Cultural History»). Он же поместил главу об исторической антропологии в свою книгу «Что такое культурная история?», изданную в 2004 году, перевод двух глав из этой книги.

А если еще упомянуть споры германских историков на пороге XXI века по поводу «новой науки о культуре», то картина культурологического поворота вырисовывается достаточно ясно.

В силу своей многозначности понятие «культура» не может объединить исследователей, избравших этот термин в качестве ядра для своих концепций. В то время как теоретики американской новой культурной истории делают особый акцент на изучении текстов, призывают к «эстетизации» истории и освобождению ее от роли «служанки социальной теории».

По словам Линн Ханта, итальянские микроисторики отмежевываются от крайностей гирцизма и релятивизма, оставаясь в рамках социальной истории. Таким образом, одно крыло антропологически ориентированной истории явно сближается с постмодернизмом, между тем как другое крыло - микроисторики в Италии, Германии, Франции - сохраняет верность сциентистской традиции.

Михаил Кром полагает, что рано или поздно эти проблемы станут актуальными и для российской историографии, в которой сейчас наблюдается антропологический поворот. Поэтому нужно думать сейчас не только о новых возможностях, но и о новых трудностях, которые принесет антропологизация истории.

«...Безусловно, открывается перспектива существенного обновления и расширения проблематики исследований. Антропологический подход отвечает вызовам, стоящими перед историками, а именно потребности обратиться к изучению повседневности, жизненной практики в различных ее формах, дополнить историю учреждений, законоположений и больших социальных групп «человеческим измерением».

Михаил Кром выделяет политическую культуру и народную религиозность как два возможных перспективных направления в изучении истории России, где уже есть удачные примеры успешного применения нового подхода.

Во-вторых, взгляд на события прошлого под новым углом зрения позволит вовлечь в научный оборот неиспользованные источники, на которые до сих пор историки обращали недостаточное внимание, например, коронационные альбомы, материалы судебно-следственных дел по обвинению в религиозных преступлениях и т. п.

В-третьих, важными аспектами выступают перспективы децентрации российской истории, связанные с применением микроисторического антропологического подхода. До сих пор, анализирует М. Кром, в монографиях и учебниках политическая история страны сводится к событиям в столицах - в Москве или Петербурге, в зависимости от рассматриваемого периода, а социокультурные и экономические процессы и явления представляются в виде неких средних показателей статистики и в общенациональном масштабе.

Между тем историки из Твери, Вологды, Казани и других российских регионов вполне могут последовать примеру Джованни Леви или Ханса Медика и, используя богатые возможности местных архивов, показать, как детальное изучение истории города, области, губернии и т. п. может внести коррективы в привычные

представления «столичной» историографии.

Антропологический подход обладает большим исследовательским потенциалом, так как способствует возрождению интереса к компаративистским исследованиям, по-новому ставя вечный вопрос о соотношении исторического пути России и Европы.

Разумеется, предупреждает нас автор книги, каждый подход имеет свои ограничения. Поскольку антропологическая история присматривается к поведению отдельных людей или небольших групп, ее успехи и слабости прямо связаны с применением микроанализа.

Однако изучение отдельных случаев (case studies), столь часто встречающееся в историко-антропологических исследованиях, неизбежно ставит проблему репрезентативности того или иного изученного явления и перехода от микро- к макроуровню, - подмечает Кром. Кроме того, создание множества «местных историй» может привести к фрагментации общенационального исторического дискурса. Как ярко показал опыт итальянских и германских историков, микроанализ не снимает, а лишь по-новому ставит проблему обобщения сделанных наблюдений.

Важно также учесть, что историко-антропологическое исследование возможно применить далеко не к каждой эпохе, ибо, как справедливо подчеркнул в своем выступлении на конференции 1998 года И. Н. Данилевский, это напрямую зависит от состояния источниковой базы. Поэтому, говорит нам Кром, едва ли возможна историческая антропология Киевской Руси: сохранившиеся источники позволяют реконструировать определенные социальные типы, как это блестяще сделал Б. А. Романов, но документов личного характера, таких как переписка, дневника и т. п. до нас не дошло, и голосов конкретных людей «из народа» мы не слышим.

Историко-антропологический подход проявляется в выборе темы и постановке проблемы исследования, в используемой терминологии, в ориентации ученого на определенную историографическую традицию, наконец, в манере представления полученных результатов и построении нарратива, в этом искусстве композиции себя особенно проявили микроисторики.

При этом Михаил Кром акцентирует внимание на том, что не следует смешивать подход с методами исследования, которые остаются вполне традиционными.

Например, историки антропологического направления, подобные Дж. Леви, Х. Медику, Ю. Шлюмбу, активно применяют статистические и генеалогические методы. К. Гинзбург, Р. Дартон и П. Бёрк охотнее прибегают к герменевтике, т. е. приемам интерпретации текстов.

Из новых методов исследования, нашедших применение в работах по микроистории, можно назвать приемы устной истории, т. е. методику интервью М. Грибауди, А. Портелли и др.

Словом, предупреждает нас Михаил Кром, историческую антропологию не следует считать каким-то привилегированным, сулящим легкий успех способом написания истории.

Всем тем исследователям, которые пытаются сейчас применить антропологический подход к изучению прошлого, необходимо максимально учесть опыт зарубежных коллег, уже давно развивающих это направление на материале своих стран.

«И если моя книга хоть в небольшой степени поможет критическому осмыслению накопленного в мировой науке опыта историко-антропологических исследований, я буду считать свою задачу выполненной», - подытоживает свои рассуждения историк.

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодняшний день в гуманитарных дисциплинах ощущается потребность в переоценке методологических основ и понятийного инструментария с позиции задач глобализирующегося мира.

Эта проблема не является сугубо локальной, российской или казахстанской, она характерна в целом для мирового научного сообщества.

Как мы видим, западные исследователи пытаются выработать общий методологический подход для всех гуманитарных наук, в частности, в направлении получившей название исторической антропологии. И хотя их достижения отмечены рядом выдающихся работ, но тем не менее пока они не привели еще к выработке новой парадигмы и общепринятого инструментария.

Размышляя над логикой научных революций, Томас Кун пишет: «В своем установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец» и далее поясняет, что такое определение не полностью покрывает само понятие, поскольку парадигма - это не только образец, соответствующий объекту, но также способ для дальнейшей разработки и конкретизации проблемы.

Толчком для научных изысканий служат задачи, которые выдвигает жизнь. Философ Уильям Джеймс однажды сказал: «Только наука, непосредственно связанная с жизнью, является настоящей наукой».

Повествовательная, событийная история не дает ответы на современные проблемы, а потому утрачивает свой престиж. Поэтому, каждый исследователь должен знать, что он ищет в источниках, археологических материалах, социологических данных.

Вопросы перед учеными ставит именно настоящее, ответы на которые можно найти, изучая прошлое, учат нас философы. Один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр был убежден, что «история - это наука о прошлом и наука о будущем». Историческая наука по своему смыслу и предназначению нацелена на будущее. «Для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день - это одна и та же операция», - утверждает Фернан Бродель. Значит, из истории мы должны извлекать уроки для сегодняшнего дня, исходя из насущных проблем. «Простое описание событий или же механическое переписывание статистических сборников и работа с источниками не является конечной целью историка».

Прошлое содержится в настоящем. Новые направления в гуманитарных дисциплинах меняют всю практику и методологию исследовательской работы, поскольку предлагают иную парадигму и требуют обновления понятийного и терминологического аппарата.

«Какой бы период ни исследовали историки, насколько бы архаичными ни были изучаемые этнологами и этнографами культуры, они должны смотреть на прошлое глазами будущего», - завершим лекцию словами французского историка Марка Блока.

Основные термины

Институционализация исторической антропологии, культурные практики, логика научных революций, гуманитарные дисциплины, культурологический поворот.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
2. Гуревич А.Я. Подводя итоги... // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. - С. 128-134.
3. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // НЛЮ. № 75. - 2005. - С. 39- 40.
4. История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. // Материалы межд. Интернет-конференции. - М., 2001.
5. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. - М., 1996.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории. - М., 2000.
7. Источниковедческая компаративистика и историческое построение. - М., 2003.